

215	0170-01	ИВАН ЕЛАГИН	“В моём театре”	Часть 1 “Амнистия”
216	0170-02	ИВАН ЕЛАГИН	“В моём театре”	Часть 2 “Зритель”
217	0170-03	ИВАН ЕЛАГИН	“В моём театре”	Часть 3 “Я тоже звезда”

“В моём театре” (Коренблит – Елагин)

Часть 1 “Амнистия”

1. Обнадёжь меня, врем я – 0.55
2. Парус над ванной – 2.50
3. Богач – 1.16
4. Окна – 1.46
5. Дождь – 1.54
6. В судорогах – 1.14
7. Бессонная совесть – 1.39
8. Преобразователь – 1.27
9. Где же? – 1.43
10. Есть выход – 1.07
11. Чашки весов – 1.28
12. Концентрационный век – 1.35
13. В бараке – 1.40
14. Война – 2.17
15. В поезде – 1.57
16. У собора – 1.36
17. Конец войны – 1.35
18. Над могилой солдата – 1.20
19. За то – 0.48
20. Амнистия – 1.23
21. Мой век – 1.41
22. Ты, моё столетье – 2.28

Общее время звучания – 35.39

Общее время звучания – 1.54.24

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1 “Амнистия”

1. ОБНАДЁЖЬ МЕНЯ, ВРЕМЯ

Как с трамплина влетают в бассейн,
Так и я моей тяжестью всей

Рассекаю до самого дна
Стекловидную светопись дня.

Словно тело в стекло вплетено,
Словно тело в стекле ледяном,

И вослед сквознякам световым
Я теку по каким-то кривым,

Словно я в полусмерть занесен,
В полусвет, в полумрак, в полусон;

Обнадежь меня, время, скажи,
Что я вставлен в твои витражи:

Когда стекла твои зацветут,
Ты поставишь меня на свету,

На юру, на восход, на закат,
В листопад, в снегопад, в звездопад.

2. ПАРУС НАД ВАННОЙ

Занавеска над ванной, как парус.
А я в ванне сижу и купаюсь.

Я блаженствую, я разомлел.
Моя очередь жить на земле.

Я купаюсь, я мылюсь, я парюсь,
Надо мной занавеска, как парус.

Я смотрю, как искристая пена
Угасает на мне постепенно.

Уплывает в парах моя ванна
С занавескою из целлофана,

Уплывает средь пара и плеска
Целлофановая занавеска.

Я блаженствую, я разомлел.
Моя очередь жить на земле.

Моя очередь спать и проснуться,
Пить чай из цветастого блюдца.

Я свой собственный важный посол,
Уплывающий в мыльный рассол,

Я министр без штанов и портфеля,
Простофиля и пустомеля,

Моя очередь жить нараспашку,
Нализаться в веселой компашке,

Чтоб в звенящем, блестящем бокале
Далматинские звезды мигали,

Чтоб луна мне казалась гримасы
(Занавеска звенит из пластмассы).

А луне холодок нипочем.
Так и прет с оголенным плечом.

За окном океаны косматы
(Занавеска дрожит из пластмассы).

И меня пролетающий ангел
Поливает из лунной лоханки.

Звезды сваркой слепят автогенной,
Звезды падают мыльной пеной,

Занавеска, как парус, над ванной,
А я в ванне блаженный и пьяный.

3. БОГАЧ

Странно и неожиданно
Стал я богачом:
Я набил карманы
Солнечным лучом.

Я теперь богат,
Мне теперь почет.
Я кладу закат
На текущий счет.

А как дуб листвой
Надо мною тряс,
Он мне отдал свой
Золотой запас.

Крепче всех валют,
Звонче всех монет
Те лучи, что льют
Предвечерний свет.

Больше всех богатств
Тот закат в огне,
Что сейчас погас
У меня в окне.

4. ОКНА

Месяца светящийся фаянс.
Отблески на крышах и антеннах,
Окон неоконченный пасьянс,
В сумерках разложенный на стенах.

Лампа загорается в окне,
Точно свет нисходит благодати,
И плывут, как в золотом вине,
Тени на сияющем квадрате.

Мне не раз казалось, что они –
Только дрожь потусторонних планов,
Кто-то резко выключит огни,
И они исчезнут, в камень канув.

И я сам поставлен под стекло
Высоко, почти под самой крышей,
Чтоб сиянье города вошло
В хрустали моих четверостиший,

Чтоб душа могла маячить так,
Как реклама на вечерней вышке,
То мгновенно прятаться во мрак,
То бросать оранжевые вспышки.

5. ДОЖДЬ

Дождь бежал по улицам на цыпочках,
Дождь бежал то тише, то слышней,
Дождь бежал, асфальт вечерний выпачкав
Масляными красками огней.

Под ногами, точно в черном озере,
Светофора вспыхивал рубин.
Отсветы неоновые ерзали
В темноте асфальтовых глубин.

Точно все огни земные плакали
В бесконечных прорезях дождя.
Ночь под землю уносила факелы,
Улицы с собою уводя.

Вот он, город мой неузнаваемый,
Город каменной моей судьбы,
Под тобой оранжевыми сваями
Световые движутся столбы.

Я и сам о том уже не ведаю,
Что ищу я в шуме городском,
За какими отсветами следую
И в пространстве двигаюсь каком.

Я уже не ощущаю хлесткости
Наискось летящего дождя.
Где-то рядом, в вертикальной плоскости,
Плоский сам, проскальзываю я.

Может быть, из всех объемов вынутый,
В измереньях двигаясь иных,
Я теку, в асфальте опрокинутый,
Отсвет – среди отсветов ночных.

6. В СУДОРОГАХ

Так. Маскарад вечерний начат.
 Расторгнут занавес зари.
 Как виселицы, замаячат
 На перекрестках фонари!

И тени супятся, и серый
 Наваливается фасад,
 И улица плывет галерой,
 И вспять шарахается сад!

Все в судорогах, и трамваев
 Не выпускают стыки рельс,
 Покуда сумерки, истаяв,
 Не завершат заклятый рейс.

Да. Только ночь поставит финиш!
 Ты, ночь, безвыходная сплошь –
 Оцепишь город, и нахлынешь,
 И отодвинешь. И сотрешь.

7. БЕССОННАЯ СОВЕСТЬ

Я это молчание выбил, как пробку,
 И залил бумагу лиловым вином...
 Веселого месяца тонкую скобку
 Повешу над самым высоким окном!

И только рукою взмахну я надменно,
 И город столпится у этой реки, -
 Смотри – на балконах стоят джентльмены
 И к звездам бросают свои котелки!

И небо прожектором залито синим,
 И, кажется мне, я по крышам иду.
 Какая-то женщина в платье павлиньем
 По небу ночному летит, как по льду!

И рвутся ракеты, и гаснет каскадом
 За красной струей золотая струя...
 Ну что ж, ты довольна своим маскарадом,
 Ответь мне, бессонная совесть моя?

Мы все столкнуться с тобой не умеем,
 Я спорил с тобою до боли в висках,
 Водил по театрам, таскал по музеям
 И скрипками мучил в ночных кабаках!

Мне все в этом мире казалось забавой,
 Зачем же, и мир от меня заслоня,
 Прощальные слезы ирландки картавой,
 Как капельки лавы, сжигают меня.

8. ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ

Высунулся во мглу
Из вороха одеял.
Проверил – стоит ли дом на углу:
Стоит, как вчера стоял.

Поправил ветер в саду,
Что бил о звезду доской,
Из сада убрал звезду
И вывесил над рекой.

Кажется, Орион
Задел и качнул плечом,
И ушел досматривать сон
(Уже не помню о чем).

Знаю, что мир вчерне
Был выстроен до меня.
Но, видимо, с миром мне
Еще предстоит возня:

Мне не подходит он
В том виде, в каком он есть.
Пора замесить бетон,
Пора на стропила лезть.

9. ГДЕ ЖЕ?

Видно, дела плохи
Великолепной эпохи:
Полицейские атташе
При каждой живой душе.

А ведь была ж когда-то
Без кляпа во рту душа
У обезьяны мохнатой,
Вышедшей из шалаша,

Прислушивающейся к дебрям,
Таящейся у корчаг,
В единоборстве с вепрем
Отстаивающей очаг!

А ведь была ж обида
У глядящего из-под лба,
Воздвигавшего пирамиды
Египетского раба!

И вера была – знамя!
Раскольничий поп с костра
Просовывал сквозь пламя
Мятежные два перста!

Пел – на костре скорчась!
 Слушай – сегодняшней, ты!
 Где же твоя гордость?
 Где же твои персты?

10. ЕСТЬ ВЫХОД

Пока не заткнули кляпом
 Клокочущий рот, пока
 Не выгнали в ночь этапом
 Под окрики с броневика,

- Загнаны в загоны,
 А все-таки живем! –
 Пока, как в огонь, в вагоны
 Не побросали живьем,

Пока не сбиты кучей
 За проволокой колючей
 И сыновья и дочери
 Под пулеметные очереди –

Пока еще есть выход,
 Выход и тьма выгод:
 Стеклышком обыкновенным
 (Только острей выточь!)
 Раз полоснешь по венам –
 И никаких выдач!

Лучше массой аморфной!
 Назад отступать – куда ж?
 Пока еще есть морфий,
 Веревка, шестой этаж –

Пока еще не на слом,
 Дышим еще покамест –
 Гневу псалом!
 Ненависти акафист!

11. ЧАШКИ ВЕСОВ

Будет холод в забытой квартире.
 Будут лаять дворовые псы.
 Кто-то бросит последние гири
 На мои золотые весы.

И о землю ударится чашка,
 Утомленная чашка весов.
 И меня молчаливо и тяжело
 Перекроет могильный засов.

И подымет чашка вторая,
 Всю земную прорвав шелуху.
 Я не знаю, дойдет ли до рая,

Только знаю, что будет вверху.

12. КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ВЕК

Нас раскидало по волнам,
По разным пристаням рассея...
И долго будет небо нам
Железным небом Одиссея.

И океан под нами смят,
И гибнуть нам, как древним грекам...
Как боги хаоса шумят
Над концентрационным веком!

Мы вновь у них перед судом,
Мы – к ним попавшие в немилость,
С тех пор, как в наш высокий дом
Их злая молния вломилась.

13. В БАРАКЕ

Луна огибает барак.
Какого-то сна отголосок
Донесся из груды коряг,
Из черного штабеля досок.

То ночь занялась грабежом,
И я уже вижу и слышу,
Как длинным зеленым ножом
Луна перерезала крышу.

Ты вынырнешь из-за угла
И грязь этих улочек выдашь.
Куда тебя ночь завела?
Ты плачешь, небесный подкидыш!

Ты тянешь алмаз по стеклу
И близишься все вороватей,
И чертишь на голом полу
Тоску двухэтажных кроватей.

Ну что, разглядела вблизи?
Теперь убирайся за сосны!
Оттуда сквози. Погрузи
Навеки в раствор купоросный.

Как хочешь меня озирай.
Но только, ты слышишь, не сетуй!
Мне домом не этот сарай,
И ночью дышу я не этой.

14. ВОЙНА

Над ветлами, над ульями,
Над липами, над пчелами

Гудело утро пулями
Свинцовыми, тяжелыми.

Трещало автоматами,
Глушило минометами,
Кто прятался за хатами,
Кто жался под воротами,

А мертвые – кто во поле,
Кто брошены на отмели...
Прохвастали, прохлопали,
Чуть полстраны не отдали!

Родимые, да что ж это?
Никак земля наша-то!
Вся жизнь на вобле прожита,
А пушек-то не нажито!

Была ж Россия мамонтом,
А не прошло полвеку-то –
Сожгли тебя! От сраму-то
Тебе деваться некуда!

Обрадовались, грабили,
А непокорны ежели,
Мужик ли это, баба ли –
На перекрестках вешали!

Как у своих-то перчено,
А у чужих-то солоно!
Как из огня теперича
Попали мы да в полымя!

Из-под кнута-то отчего,
Да под дубину отчима!
Тот Соловками потчевал,
А этот смертью потчует!

Коль две скрестились гибели,
Какое сыщешь снадобье?
Одну мы гибель выбрали,
Коль выбирать уж надобно!

15. В ПОЕЗДЕ

От полустанка до полустанка
То водокачка, то вагонетка,
Полка, бутылка, консервная банка,
Поле да поле, да изредка ветка!

От разлуки до разлуки,
От судьбы и до судьбы
Взяли душу на поруки

Телеграфные столбы!

Телеграфные столбы –
Соглядатаи судьбы!

Ветер бреющим полетом
Бьет по спинам поездов
И поет, поет по нотам
Бесконечных проводов!

Пой на тысячу ладов,
Ветер нищих! Ветер вдов!

16. У СОБОРА

Я проходил по улицам чужим.
Из подворотен выплывала сырость.
И вот, как вечность неопровержим,
Крутой собор передо мною вырос.

Он говорил: ты наглухо прибит
К тяжелому, заплаканному миру.
Сойди на миг с твоих земных орбит,
Плыви со мной по звездному пунктиру!

Он делался всё выше и острее,
Он в небесах искал себе упора,
И я сгорал на каменном костре
В средневековом пламени собора.

А рядом содрогалась от стрельбы
Моей земли последняя дорога.
Мне в эту ночь клялись в садах дубы,
Что близок день, что мы увидим Бога.

17. КОНЕЦ ВОЙНЫ

Уже последний пехотинец пал,
Последний легчик выбросился в море,
И на путях дымятся груды шпал,
И проволока вянет на заборе.

Они молчат – свидетели беды.
И забывают о борьбе и тлене
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.

Но труден день очнувшейся земли.
Уже в портах ворочаются краны,
Становятся дома на костыли...
Там города залечивают раны.

Там будут снова строить и ломать.
А человек идет дорогой к дому.

Он постучится – и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

18. НАД МОГИЛОЙ СОЛДАТА

Что останется? Ржавчина свалок,
Долгий голод, рассказы калек...
И подумают дети, что жалок
Был прославленный пулями век.

Что им скажут какие-то числа
Покоробленных временем дат
Там, где криво дощечка повисла
Над твоею могилой, солдат?

И никто не узнает, что душу
Ты отыскивал в черном бою,
Там, где бомба хрипела: «разрушу»,
Там, где пуля свистела: «убью»...

Где прошел ты, весь в дыме и пепле,
В дыме боя и пепле седин,
Там, где тысячи гибли и слепли,
Чтобы солнце увидел один...

19. ЗА ТО

За то, что руку досужую
Не протянул к оружию,
За то, что до проволок Платтинга
Не шел я дорогой ратника,
За то, что под флагом Андреевским
Не разнесло меня вдребезги, -
За это в глаза мне свалены
Всех городов развалины,
За это в глаза мне брошены
Все, кто войною скошены,
И вместо честной гибели
По капле кровь мою выпили
Тени тех самых виселиц,
Что над Москвою высились.

20. АМНИСТИЯ

Ещё жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать восьмом.

Вероятно, на пенсию вышел.
Живет на покое
И дело привычное бросил.

Ну, а если он умер, -
Наверное, жив человек,
Что пред самым расстрелом

Толстой
Проволокою
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.

Верно, тоже на пенсию вышел.

А если он умер,
То, наверное, жив человек,
Что пытал на допросах отца.

Этот, верно, на очень хорошую пенсию вышел.

Может быть, конвоир еще жив,
Что отца выводил на расстрел.

Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.

Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня.

21. МОЙ ВЕК

Мой век! От стука
Ночного в дверь
Пошла наука
Больших потерь.

Мой век ущербный,
Мой век-недуг
Листал учебник
Колымских вьюг.

Мой век! Ты – школьник,
И твой диплом
Добыл ты в штольнях
Тупым кайлом.

Мой век! Экзамен
В полярный вуз
Ты сдал слезами
Российских муз.

В краю студеных
Глыбастых льдов –
Плоды ученых
Твоих трудов.

Почетный доктор

Бушлатных прав,
Мой век, продрог ты,
В метель попав.

С таежных елок
Не сходит снег.
Постыдно долог
У века век.

22. ТЫ, МОЁ СТОЛЕТИЕ!

Бомбы истошный крик –
Аэродром в щебень!
Подъемного крана клык
На привокзальном небе –

Ты, мое столетие!

Поле в рубцах дорог:
Танки прошли по полю.
Запертое в острог,
Рвущееся на волю –

Ты, мое столетие!

Ищущее конец,
Бьющееся в падучей,
Мученический венец
Проволоки колючей –

Ты, мое столетие!

Кручу за пядью пядь
Брали. И вот со склона
Ринувшееся вспять,
Все растеряв знамена,

Ты, мое столетие!

Брошенное на штык,
Дважды от крови ржавый,
Загнанное в тупик
Дьяволовой облавой –

Ты, мое столетие!

Царственные века
Были твоим подножьем.
Продано с молотка,
Выжжено гневом Божьим –

Ты, мое столетие!

Кости с тобою сложим!

Плоть от плоти твои,
Шиты твоим покровом.
Бурей своей пои!
Кровью своей напоим!

Верности клятву прими,
Ты, мое столетие!